

сознательно, действуя на Ивана III и убеждая его быть решительным. Каждый пример — намек.

Целесообразность (с точки зрения воздействия на Ивана III) каждого положения, выдвигаемого автором, усиливается логически последовательным сцеплением их, так что в композиционном отношении оно выглядит весьма стройно. Действительно, известная композиционная стройность Послания поддерживается все пронизывающей идейной целеустремленностью. Однако первая треть основной его части является более напряженной, чем последующие. К недостаткам последующих частей также следует отнести и чрезмерное пользование цитатами.

Язык Послания мог бы служить темой для отдельной работы, так как он характеризует собою, в сущности говоря, мало исследованный этап истории русской публицистики второй половины XV в., от которого тянутся нити, с одной стороны, в направлении повестей о Флорентийском соборе, посланий митрополита Ионы и других, с другой, — в направлении более изученной с этой стороны публицистики XVI в. В план данной работы не входит такая большая задача, поэтому мы ограничимся только некоторыми замечаниями на этот счет.

Прежде всего следует отметить в Послании наличие сплетения струи повествовательной со струей патетической, высоко торжественной, обрывающейся часто неожиданно мягким лирическим возгласом, оттеняющим (и оживляющим) логический ход мысли. Это характеризует Послание, как произведение ораторского стиля. „Ныне же слышахом, — повествует автор, — яко бесерменину Ахмату уже приближающуюся и хрестьянство погубляющую, наипаче же на тебя хвалящуюся и на твое отечество, тебе же пред ним смиряющуюся и о мире молящуюся и к нему пославшу, ему же окаянному одинако гневом дышущу и твоего моления не послушающую, но хотя до конца разорити хрестьянство“. Тут повествование переходит в иной строй: „Ты же не унывай, но възверзи на господа печаль твою и той тя препитает; господь бо гордым противится, смиренным же дает благодать!“. Дальше опять повествование: „Прииде же убо в слухи наша, яко прежнии твои развратници не престають...“ и т. д., за которым следует патетический абзац:

„Внимай убо себе и всему стаду, в нем же ты дух святыи постави, о боголюбивый и вседержавный царю!...“.

Еще более, пожалуй, рельефны в Послании переходы от высокой патетики или негодующей реплики к лирическому возгласу:

„И что убо съвещают ти лстивии сии и лжеименитии, мянущесе быти хрестьяне? Токмо еже повергше щиты своя и нимало спротивлешесе оканным сим сыроядцем, предав хрестьянство, свое отечество, яко бегуном скитатися по иным странам?!“.

За этим негодующим вопросом следует лирическое горькое обращение: